

не ахайские эллины, а калабрийские греки являются первыми учителями итальянских гуманистов. Петрарка пытался поучиться по-гречески у одного такого калабрийца, монаха Варлаама, а Боккаччо заказал калабрийцу Леонтию Пилато латинский перевод Гомера. Благодаря ему этот невежда в 1360 году сделался первым профессором греческого языка во Флоренции.

Трудно доказать, что сношение франков с Афинами в эпоху раннего Возрождения оказало какое-нибудь духовное воздействие на Италию. Господство каталанцев и Сицилийской арагонской династии, бывшей в враждебных отношениях к Анжу и к папе, почти совершенно порвали всякие сношения Афин с Италией. В эпоху испанцев ни там, ни в Фивах не было двора; оба города лишились того значения, какое имели во времена ла Рошей. Знания, проникавшие отсюда в Италию, не могли передаваться непосредственно и были крайне ограничены.

Как мало занимал классический мир афинских развалин мысль наиболее выдающихся умов Италии, показывает тот же Боккаччо, наравне с Петраркой, страстно стремившийся к знакомству с литературой эллинов, еще скрытой от Запада за семью печатями. Афины два раза являются местом действия в его произведениях: в седьмой новелле второго дня Декамерона и в Тесеиде. Но ни здесь, ни там восхитительнейший для всякого поэта город древности не был для него ничем, кроме пустого имени и места. Тесеида, первая итальянская эпопея, передавшая великим поэтам Ариосто и Тассо форму октавы, замечательна по своему содержанию. Так как она относится к неаполитанскому периоду жизни Боккаччо, то, быть может, поводом к обработке греческого сюжета были отношения Анжу к Греции, хотя бы он — что теперь не может быть выяснено — почерпнул этот сюжет из французского или греческого источника. И в Тесеиде, этом едва ли пригодном для современного вкуса причудливом переложении греческой древности в формы франкского рыцарства, нет ни одного места, где бы воодушевленное воспоминание об идеальном прошлом Афин довело поэта до увлечения. Ни одним из существовавших тогда памятников